

Жан-Поль Сартр и антипсихиатрия или как социальная теория проникла в науку о душевных болезнях*

О.А. Власова

*кафедра философии, факультет философии, социологии и культурологии,
Курский государственный университет, 305000 г. Курск, ул. Радищева, 33*

Наши города – это фабрики; семьи, школы, церкви – бойни для наших детей; колледжи и другие подобные места – это кухни. Будучи взрослыми, вступая в брак и ведя дела, мы потребляем получившийся продукт.

Р.Д. Лэйнг «Политика переживания»

Психиатрия всегда с симпатией относилась к философии. В разные времена она заимствовала у науки наук ровно то, в чем остро нуждалась: во времена Канта – антропологическую концепцию человека разумного, во времена Гуссерля и Хайдеггера – антропологическую концепцию человека переживающего и проживающего мир, в бунтарские шестидесятые психиатрам понадобилась теория человека социального, и здесь как нельзя кстати пришлось идеи Жана-Поля Сартра.

Рецепция идей Сартра в психиатрии примечательна тем, что наука о душевных болезнях шла здесь наиболее сложным путем. Практически оставив в стороне раннюю концепцию экзистенциального анализа (действительно, удивительно, что экзистенциальный психоанализ, хотя и оказался созвучным экзистенциально-феноменологической психиатрии, в клинике популярен не стал), психиатрия обратилась к поздним социально-диалектическим студиям Сартра¹. Центральным направлением здесь оказалась антипсихиатрия, центральной фигурой – шотландский психиатр Рональд Дэвид Лэйнг.

«Исследовать»: «Критика диалектического разума»

С идеями Сартра Лэйнг познакомился еще во время военной службы, именно тогда он проштудировал «Бытие и ничто». Лэйнг был образован, начитан и претенциозен. Еще в студенческие времена он основал Сократический клуб, в котором собирались те, кто интересовался медициной и философией, мистикой и религией. Этот клуб посещал необычайно одаренный китайский юноша, который приехал в Великобританию учиться и прекрасно знал английский и немецкий языки. Он великолепно говорил по-английски, читал Гегеля и Маркса в подлиннике, всегда настаивая на том, что такие вещи нужно читать на языке оригинала. Лэйнг повстречал в нем самого одаренного ровесника: владение языками тогда было для него недостижимой меч-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 10-06-00078а «Социальная теория и социальная практика антипсихиатрии».

© О.А. Власова, 2010.

¹ В настоящей работе мы не будем останавливаться на понятийном аппарате «Критики диалектического разума», сконцентрируемся лишь на его развитии Лэйнгом.

той. Но... Хайдеггер и Сартр заставили его посмотреть на свои способности по-другому. Лэйнг стал понемногу приобщаться к языкам: Хайдеггера он читал по-немецки, Сартра – по-французски. Техника чтения была следующей: Лэйнг выискивал каждое слово в словаре, а где-то через десять страниц текста работа начинала идти уже чуть быстрее – основную суть он мог понять и без словаря. Можно догадаться, что при таком методе прочтения понимал он на самом деле не много, но этих работ не было в переводе, и это было лучше, чем ничего.

Феноменология привлекла Лэйнга как теория описательной психологии. Он воспринял Гуссерля в духе его ранних проектов, – так же, как восприняло его большинство психиатров. Он читал «Идеи» и статью Гуссерля о феноменологии в «Британике». Но Гуссерль был для него лишь помощником на его собственном пути, ориентиры же задавала психиатрия: «В то время не было никакого интеллектуального пространства, чтобы возвыситься над психопатологией и начать говорить о ней. Так что мне казалось, что в чем мы нуждались, так это в специфическом описании, которое не облакает непосредственно наблюдаемое в понятия “признаков” или “симптомов” болезни, фактически превращаясь в теорию болезни, которую мы стремимся описать. Мы нуждались в своего рода чистом описании. <...> Я пытался донести идею о том, что то, что в учебниках о психиатрии называют “описанием” болезни, не является лишь простым описанием действительности, потому что именование чего-либо болезнью – это уже часть теории болезни»¹.

Но идеи Сартра Лэйнг воспринимает, главным образом, не в феноменологическом, а в социальном аспекте. Философ становится для него основным критическим теоретиком и, продолжая его идеи, Лэйнг выстраивает собственную социальную теорию. Центральной здесь становится «Критика диалектического разума». Уже в 1964 г. у Лэйнга выходит работа «Разум и насилие: десятилетие творчества Сартра», пожалуй, самая любопытная из работ, написанных им в соавторстве. Любопытна она по двум причинам: во-первых, эта работа стала результатом сотрудничества с Дэвидом Купером, отношения с которым были определяющими для творчества Лэйнга в шестидесятых; во-вторых, это была критическая книга о Сартре, его единственная философская работа в классическом смысле этого слова.

Эта книга стала пространством сотрудничества и дружеского общения Лэйнга и Купера. В психиатрии их взгляды были во многом несовместимыми, и книга по психиатрической проблематике вряд ли бы получилась. Сартр был в этом отношении идеальным материалом. Купер был романтиком и идеалистом, еще большим, чем Лэйнг. Его кумиром был Антонен Арто, а его идеалом – подлинная революционность. Он постоянно ввязывался в анти-проекты: анти-больница, анти-университет, анти-школа, анти-семья, антипсихиатрия. В октябре 1972 г. в дружеском письме к Лэйнгу из Аргентины Купер описывал свою жизнь как «насыщенную настолько, что невозможно описать словами, прекрасную, захватывающую дух и, прежде всего, опасную, – это то, чего мне всегда хотелось, – своего рода “распущенного” существования.»²

Надо признать, что Лэйнг и Купер приступали к анализу работ Сартра с разными данными: Лэйнг знал французский намного хуже Купера, он мало бывал во Фран-

¹ Mullan B. Mad To Be Normal: Conversations with R.D. Laing. London: Free Association Books, 1995. P. 112–113.

² Laing A. R.D. Laing: A Biography. London; Chester Springs, PA: P. Owen, 1994. P. 188.

ции, в то время как Дэвид некоторое время жил там. В процессе работы над «Разумом и насилием» обязанности Лэйнга и Купера как соавторов были четким образом распределены. Первый работал над большой главой «Критический анализ диалектического разума», второй писал главы «Святой Жане: комедиант и мученик» и «Вопросы метода», над введением работали совместно. Впоследствии вспоминая эти времена работы над книгой, Лэйнг говорил о трех неделях без сна, на сигаретах и кофе, Купер – о годах предварительной напряженной работы. Если судить более или менее объективно, они начали писать в начале 1961 г., а соединять фрагменты – в 1963 г. Эта работа стала одним из самых «быстрых» ранних трудов Рональда, выйдя из печати уже в 1964 г.

В какой-то мере работа «Разум и насилие» реализовывала мечту Лэйнга о культуртрегерстве. Это была его родная стихия: когда-то, в студенческие времена, он организовал Сократический клуб, был директором организации «Открытый путь», входил в стихийную группу интеллектуалов в Глазго. В начале 1960-х гг., в Лондоне, он очень скучал по таким встречам и решил организовать нечто подобное. В эту группу кроме него входили Дэвид Купер, Джон Хитон, редактор «The Journal of Human Sciences» Пол Зенфт и др. Они встречались друг у друга, чтобы общаться и говорить об экзистенциализме. Пол Зенфт вырос в Германии и очень неплохо разбирался в феноменологии Гуссерля. Благодаря ему для Лэйнга стал ясен немецкий контекст зрелости феноменологии и известны ранее неизвестные имена, а также непереусленные тексты. Купер очень интересовался Жаном Жене, и благодаря ему Лэйнг познакомился с работой о нем Сартра. Встречи часто посещал психолог из Тэвистокского института Питер Гильденбрандт, который стажировался во Франции и посещал в Сорбонне лекции Мерло-Понти по детскому развитию. Он привез эти лекции в Великобританию, они тогда еще не были переведены, и все это заинтересовало Лэйнга. Сам же он переводил некоторые работы французского психиатра Эжена Минковски и изучал его феноменологически-структурный анализ. Они обсуждали и «Бытие и ничто» Сартра, работу, в которой, как тогда считал Лэйнг, тот представил своеобразную экзистенциальную теорию социальных систем¹. На фоне этих встреч и возник замысел «Разума и насилия»

Книга, как предполагалось, должна была познакомить с Сартром англоязычную аудиторию. «Я хотел, – говорил Лэйнг, – воздать должное Сартру, представив его работы. Этот материал еще не был переведен и не было похоже, что будет переведен хоть когда-нибудь (впоследствии он все же был переведен). Это был во многих отношениях просто невероятный текст с обилием отсылок на отсылки к отсылкам и жутко запутанный. Мне казалось, что различие между практикой и процессом, а также между связкой и серией, которые он проводит, должны быть представлены английскому читателю, и я мог бы использовать их в своей работе»². Работа, по сути, являлась не популярным введением в творчество Сартра для широкой аудитории, а кропотливым и подробным анализом, оценить который могли лишь специалисты.

Исключительность этой работы подчеркивает сопоставление датировок. «Критика диалектического разума» отмечала поздний период творчества Сартра и была издана в 1960 г. книга «Разум и насилие» в 1964 г. уже вышла из печати. А работать над этой книгой, как мы уже отмечали, Лэйнг и Купер начали тремя годами ранее, т.е.

¹ Mullan B. Mad To Be Normal. P. 292.

² Ibid. P. 290.

сразу после выхода труда Сартра. В начале 1960-х гг. развитие почерпнутых у Сартра идей можно встретить в нескольких выступлениях, статьях и книгах Лэйнга, поэтому Сартр был прочитан, переосмыслен и продолжен им, без преувеличения, мгновенно.

«Разум и насилие» – это книга не только с удивительной историей, но и с весьма интересным содержательно-сюжетным замыслом. В ней Лэйнг и Купер, конечно же, говорят о Сартре, но одновременно анализируют его работы не только для читателя, но и для себя. Фактически, во многом они говорят о том Сартре, который интересен именно им, о том из Сартра, что может быть использовано в психиатрии и исследованиях социальных групп и межличностных отношений. По собственному признанию Лэйнга и Купера, книга останавливается лишь на основных линиях мысли Сартра, интересных в плане понимания человеком самого себя и актуальных для практики. Центральное понятие в этом анализе – это понятие «тотализация».

Тотализация – это преодоление и превосхождение, не претендующие на законченность и четкую завершенность. Важно здесь оказывается то, что тотализация циркулирует для Сартра лишь в кругу «тотализация-детотализация-ретотализация» – принципиально открытом и незавершенном цикле. Она противопоставляется тотальности, которую вслед за Сартром Лэйнг и Купер трактуют как отделенную от действия и оформленную как законченное бытие тотализацию. То, что по принципу тотализации функционирует не только исторический процесс, но и общественное устройство и социальная организация, оказывается для двух психиатров особенно значимым.

Концепт тотализации в Сартровой трактовке Лэйнг и Купер превращают в принцип организации социальной группы и ставят на службу исследования межличностных отношений, которые в тот период особенно интересуют Лэйнга. В ракурсе тотализации при этом оказывается особенно важным ее противопоставление тотальности. И именно тотализация, а не тотальность, на их взгляд, определяют восприятие мира. Они отмечают: «Каждая отдельная перспектива, каждая отдельная точка зрения стоит в центре мира, но не в центре другого мира. Каждая точка зрения абсолютна, и в тоже самое время, абсолютно относительна...»¹. В рамках отдельной личности ее мнение, ее точка зрения всегда кажется истинной, но если появляется другая личность, эта первая тотализация оказывается относительной, а иногда и ложной, и ее вмещает в себя вторая тотализация. Вторую вмещает в себя третья, третью – четвертая. И «никакая тотализация не может быть тотальностью, воплощающей последнюю истину»². Но каким же образом тогда появляется единая и относительно завершенная социальная реальность?

Здесь Лэйнг и Купер вслед за Сартром движутся к истокам возникновения социальных групп и дополняют свою собственную теорию функционирования социальной системы. Именно этого Лэйнгу и не хватало до сих пор. В это время он сформулировал теорию функционирования группы, теорию маргинализации и вытеснения неугодных членов социальной общности, исследовал формы поддержания социальной целостности, но пока так и смог дать ответ на вопрос «каким же образом появляется социальная система фантазии и каков ее онтологический статус». Ответ на этот вопрос требовал обращения к социальной онтологии, Лэйнг же в других своих исследованиях ограничи-

¹ Laing R.D., Cooper D.G. Reason and Violence: a decade of Sartre's philosophy, 1950-1960. New York: Pantheon Books, 1971. P. 11.

² Ibid. P. 11.

вался коммуникативными теориями, которые не могли дать ему оснований подобного исследования. Анализ работ Сартра пришелся как нельзя кстати.

Социальная группа описывается Лэйнгом и Купером как сплав единства и множества, возникающий, фактически, в процессе преобразования тотализации в тотальность. «Группа, – пишут они, – формируется к *акте* восприятия *множества* (людей) как группы. Этот акт рудиментарного группового синтеза объединяет множество людей вместе. Я объединяю тебя и его вместе – я воспринимаю тебя и его и думаю о тебе о нем как о Вы или Они. “Вы” или “Они” являются теперь социальной реальностью, социальным гештальтом, который я *конституировал* как таковой для себя, составив целостность из двух отдельных индивидов. Один плюс один равно один»¹.

Выходит, что группа не может существовать вне человека, а человек не может существовать без группы. Каждый человек конституирует себя и других в социальные общности посредством актов тотализации: «...Я вбираю тебя в моей тотализации, а ты включаешь мою тотализацию тебя в свою тотализацию меня, я, в свою очередь, тотализирую твою тотализацию моей тотализации тебя и так далее...»². Социальные общности поэтому существуют лишь постольку, поскольку входящие в них люди когда-то конституировали их и продолжают конституировать. Общество поддерживает постоянство тотализаций и оберегает себя от вторжения – от детотализации. По сути, частным примером такой детотализации и является реальность психической болезни.

Лэйнг и Купер подчеркивают, что «сохранение институционального постоянства человеческой группы обеспечивается, в конечном счете, совместным конституированием ее бытия»³. Если кто-то из индивидов отказывается поддерживать систему социальной фантазии группы, т.е. тотализировать общую социальную реальность, он создает опасность для функционирования группы, поэтому все члены группы должны придерживаться общих правил функционирования. Входящий в группу индивид живет в контексте согласованного опыта группы. Более того, единство группы поддерживает созданный всеми ее членами Другой, поскольку центр ее единства – всегда вовне. Другой – это другой по отношению ко всем членам группы: «Другой серии – это практико-инертный объект. Другой – это “я” в каждом другом и каждый другой во мне и каждый как другой во всех остальных. В любом случае, единство серии всегда за ее пределами»⁴.

Такое исследование отношения индивидов и социальной общности, а также генезиса и функционирования социальной общности как таковой Лэйнг и Купер, вслед за Сартром, называют диалектическим исследованием. Именно в его рамках они и предпринимают критический анализ трех его произведений.

¹ Ibid. P. 11–12. В самом начале другой работы того же времени – «Межличностного восприятия» – Лэйнг выражает эту идею в более поэтическом ключе: «Человечество есть мириады преломляющих поверхностей, окрашивающих белое сияние вечности. Каждая из этих поверхностей преломляет преломление преломлений преломлений. Каждое “я” преломляет преломления других преломлений преломлений “я” других преломлений... Это лучезарное сияние, это чудо и мистерия, однако частенько нам хочется проигнорировать или уничтожить те грани, которые преломляют свет по-другому, чем мы» (Laing R.D., Phillipson, Lee A.R. *Interpersonal Perception: a theory and a method of research*. New York: Springer Pub. Co, 1966. P. 3).

² Laing R.D., Cooper D.G. *Reason and Violence*. P. 121.

³ Ibid. P. 14.

⁴ Ibid. P. 123.

Выйдя при жизни Сартра, книга вошла в ряд классических критических работ, касающихся его творчества. Но из этого ряда ее выделяло одна удивительная особенность. Работая над книгой, Лэйнг и Купер подумывали, что было бы неплохо, если бы гуру свободомыслящих интеллектуалов написал к ней предисловие. Это было пределом их мечтаний. К тому же, Лэйнг давно был очарован Сартром как мыслителем и как человеком, поэтому всегда мечтал встретиться с ним лично.

Поэтому Лэйнг едет в Париж. Симона де Бовуар читала его «Разделенное Я», и через нее ему удастся договориться о встрече. Хотя Лэйнг неплохо читал по-французски, его устный французский был не в пример хуже, чем письменный. Сартр, в свою очередь, не очень хорошо говорил по-английски. Поэтому на помощь пришла первая любовь Лэйнга – француженка Марсель Винсент, отлично владевшая обоими языками. Они встретились в баре «Palais Royale». Оказалось, что Сартр прочел рукопись «Разум и насилие» и нашел ее довольно неплохой. «Разделенное Я» и «Я и Другие» он не читал, что немного огорчило Лэйнга. Во время нескольких часов беседы за мартини (Сартр) и виски (Лэйнг) они говорили о мескаLINE и понятии нормы, о фантазии как изначальном пространстве опыта, о работе Сартра о Флобере, о «Бытии и ничто» и его планах автобиографии, об отчуждении, старости и Рахманинове. Сартр произвел на Лэйнга фантастическое впечатление: «Энергия, которую он излучал, просто ошеломляла, как и бросающаяся в глаза устойчивая ангажированность. Я никогда не встречал человека с подобным характером и кого-то настолько яркого и цельного»¹. Они договорились встретиться вновь, чтобы Сартр смог представить Лэйнга Симоне де Бовуар, но эта встреча так и не состоялась.

У встречи был один несомненно позитивный результат. Было решено, что Сартр напишет к книге Лэйнга и Купера предисловие. И он сдержал свое слово. Страничное предисловие, подписанное Ж.-П. Сартром, на английском и французском языках предваряло эту критическую работу. Оно стало для Лэйнга и Купера, а также для их исследовательского проекта высшим актом признания со стороны мэтра. Вот эти несколько предложений: «Я внимательно прочел работу, которую вы любезно мне доверили, и я рад, что нашел в ней весьма ясное и точное изложение моей мысли. Кроме вашего совершенно адекватного понимания “Критики диалектического разума” в этой книге, как и в ваших более ранних работах, мне imponируют ваши неиссякаемые усилия представить “экзистенциальный” подход к душевному заболеванию. Я, так же как и вы, думаю, что мы не сможем понять психические расстройства *извне*, с опорой на позитивистский детерминизм или воссоздавая их на основании произвольного сочетания понятий, остающихся внешними по отношению к переживаемой болезни. Мне также кажется, что мы не можем ни исследовать, ни излечить неврозы без изначального уважения к личности пациента, без неиссякаемого стремления схватить его фундаментальную ситуацию и попытаться пережить ее, без стремления раскрыть то, как личность отвечает на эту ситуацию, и, как и вы, я считаю психическое заболевание выходом, который свободный организм в своем всеобщем единстве изобретает в этой невыносимой ситуации. Поэтому я чрезвычайно высоко оцениваю ваши исследования, в особенности те, что касаются изучения семейной среды как груп-

¹ Mullan B. Mad To Be Normal. P. 364.

пы и как серии, и я убежден, что ваши усилия приблизят нас к тому дню, когда психиатрия наконец-то станет человеческой»¹.

«Конкретизировать»: критическая теория семьи

Сартр не зря так высоко оценивал работу Лэйнга и Купера, эта высокая оценка была, что называется, «по заслугам». За свое развитие и авторское прочтение идей философа, его предисловие к собственной книге Лэйнг заслужил уж точно.

Вспомним еще раз: «Критика диалектического разума» вышла в 1960 г. Уже через полтора года в «New Left Review» у Лэйнга вышла первая сартрианская статья «Серия и связка в семье», которая знаменует первую для него попытку ввести марксизм и его понятия в психиатрию, поскольку в этой статье, по собственному признанию Лэйнга, он задается целью «на примере семьи как конкретного поля представить отчет о двух теоретических полярностях, развитых Сартром в “Критике”, – практике и процессе, серии и связке»².

В этой статье Лэйнг преодолевает дуальную ориентацию своей более ранней работы «Я и Другие» и начинает рассматривать отношения с другими во множественной перспективе. В самом начале статьи он пишет: «Люди не являются обособленными в пространстве объектами. Они – центры ориентации в мире. Эти различные центры и их миры – не острова, но природу их взаимного влияния и взаимодействия всегда было очень сложно выразить в межличностной теории. В рассмотрении человека в терминах метаморфоз группы, которой он принадлежит, вне теоретической или методологической определенности его абстрактного эго, экстраполированного от своего межличностного контекста, есть надежда, что радикальный прогресс... возможен. Это то, что уже начал реализовывать Сартр в его... “Критике диалектического разума”»³. От двухэлементной перспективы Лэйнг совместно с Эстерсоном отказываются и в совместной работе «Здоровье, безумие и семья», подчеркивая, что семья представляет собой не двухэлементный набор аналогов, а множественную перспективу отношений⁴.

Задаваясь целью подобного анализа понятий, Лэйнг сразу же отмечает, что будет трактовать их на примере семьи с незначительными модификациями: он не просто буква в букву следует за Сартром, а несколько переосмысляет его концепты применительно к своему конкретному пространству исследования.

Начиная с понятий практики и процесса, Лэйнг указывает, что происходящие в рамках семьи события, действия и т.д. неизменно представляются либо как результат деятельности ее агентов, либо как непрерывные серии не имеющих никакого агента операций. Если происходящее в группе может быть связано с тем, что делают ее агенты, – это практика. Если же то, что происходит в группе, не может быть представлено как результат чьего-то действия и никто не может понять, как это происходит, – это процесс⁵. По сути, практика и процесс различаются у Лэйнга по наличию агента ответственности: если кто-то ответствен за происходящее – это практика, если

¹ Laing R.D., Cooper D.G. Reason and Violence. P. 6. Пер. с франц.

² Laing R.D. Series and Nexus in the Family // New Left Review. 1962. № 15. P. 7.

³ Ibid. P. 7.

⁴ Laing R.D., Esterson A. Sanity, Madness and Family. New York, Basic Books, 1964. P. 20.

⁵ Laing R.D. Series and Nexus in the Family. P. 7-8.

же агент ответственности настолько анонимен и неиндивидуализирован, что его установить невозможно, – это процесс.

Получается, что практика, будучи результатом человеческой деятельности, может быть возвращена к своим первоначальным истокам – осуществляющим ее агентам, их деятельности и ее мотивам и целям. Практика может быть осмыслена и понята. Процесс же так понят быть не может, поскольку агента не имеет. Здесь Лэйнг предлагает два пути. Во-первых, и это его новшество, процесс через социальный факт может быть возвращен к некоей идее: «Если идея, к примеру, становится социальным фактом (мои соседи не любят “цветных”), если это просто вещь, то ее интеллигибельность возможна путем поэтапного возвращения вещь → социальный факт → идея → придумавшие ее люди: ее ни от кого не зависящая власть, ее анонимность, ее непонятное авторство интеллигибельны в той степени, что можно выяснить путь ее отчуждения от деятелей»¹. Во-вторых, и тут Лэйнг следует за Сартром, одновременно все происходящее в группе может быть понято и прояснено, может стать интеллигибельным, при условии возвращения от процесса к практике, к совокупности индивидуальных практик, от того, что происходит в группе, к тем конкретным действиям агентов, которые ее составляют.

Питер Седжвик, развивая эту идею Лэйнга и стремясь осмыслить с ее помощью его творчество, говорит о том, что идеи практики, процесса и интеллигибельности специфичны для творчества Лэйнга начала 1960-х гг. и отсутствуют в его первой книге. Он подчеркивает, что в «Разделенном Я» психотические симптомы и существование шизофреника понимается Лэйнгом исходя из фрагментации или раскола «я». Для их осмысления они не включаются в формы практики – в формы коммуникации в пределах группы людей². Поэтому ранние работы представляет лишь внутренний план и не предполагает плана внешнего и, можно добавить, разделения на практику и процесс как такового.

Здесь мы наблюдаем перенесение концептов Сартра из пространства истории в пространство семьи. У Сартра при вхождении человека в социальную группу и общество его индивидуальная практика преобразовывалась в практику-процесс и становилась основой исторического процесса и, одновременно, гарантом его интеллигибельности. У Лэйнга практика отдельных членов семьи на уровне семьи как системы оборачивается процессом, но исследовать семью, осмыслить, понять и прояснить ее, сделать ее интеллигибельной, можно лишь пройдя путь от семейного процесса к индивидуальной практике, при этом сохранив оба эти элемента, которые существуют лишь в единстве.

Таким образом, эти понятия должны были помочь преодолеть разрыв между процессами семьи как системы и поведением ее агентов – членов семьи. Но здесь есть одна трудность. Дело в том, что, как отмечает сам Лэйнг, каждый из входящих в семью людей, когда он становится ее членом, претерпевает ряд трансформаций. И здесь на сцену выходят еще два понятия статьи – серия и связка.

В статье 1962 г. Лэйнг разделяет все семьи на два типа: семьи-серии и семьи-связки. Серия – это начальная стадия формирования группы, на которой ее члены

¹ Laing R.D. Series and Nexus in the Family. P. 8.

² Sedgwick P. R.D. Laing: Self, Symptom and Society / R.D. Laing and Anti-Psychiatry. Ed. by R. Boyers, R. Orrill. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 16.

разделяют общую цель, но в ее практическом достижении друг от друга не зависят. Члены серии взаимозаменяемы, поскольку в серии не важна качественная определенность, и представляют собой своеобразное отрицательное единство. Они способны сформировать какую-то сырую идентичность, на основании интерпретации поведения друг друга или обозначить общую цель их собственного индивидуального поведения. Такой серией является автобусная очередь или группа антисемитов: неструктурированное хаотическое единство. Серия объединена на основании отношения к какому-либо внешнему объекту: автобусная очередь ждет автобуса, антисемиты негативно относятся к евреям. Причем, этот внешний объект не обязательно должен существовать в реальности. Главное, чтобы члены серии полагали, что он существует. Автобусная очередь является серией, даже если ожидаемый всеми автобус так и не придет.

Серия, по мнению Лэйнга, характеризуется отчуждением. Она всегда определяет себя как «они» и никогда как «мы», и эти «они» всегда «там», а не «здесь». Привлекая Сартрово понимание серийности, Лэйнг поясняет: «Члены таких серий объединяются, в частности, присущими серии идеями, которых никогда не придерживается кто-то конкретно. Каждый полагает, что так думают другие. Другой, в свою очередь, думает, что так считает не он, а другие... Такая последовательная совокупность объединяется тем фактом, что каждый человек – сосед своего соседа»¹.

Такая возможность появления другого укоренена в механизмах образования группы. Если человек говорит о том, что он солидарен с другими, или о том, что он не разделяет их позиции, он уже осуществил несколько актов того, что Лэйнг вслед за Сартром называет синтезом или тотализацией. Каждый из членов группы должен осуществить свой собственный синтез синтезов других, ибо группа как таковая не является непосредственным образованием «тебя» и «меня». Группа есть бесконечный синтез синтезов, разнообразие практик.

Более сложным и более прочным образованием, чем серия, является связка, члены которой объединяются для достижения общей цели. Так происходит в революционных объединениях, футбольных командах и т.д. Основанием связки является террор, на уровне индивида ощущаемый как страх ситуации предательства и возмездия. Связка – это группа, «единство которой достигается путем взаимной интериоризации каждым каждого другого и в которой нет ни общего объекта, ни организационной и институциональной структуры и т.д., изначально выполняющих функцию своеобразного “цемента” группы»².

Существование связки зависит от каждого члена группы, и если один из них решает оставить группу, то узел, связка взаимных интериоризаций разрывается. Именно поэтому очень важным в функционировании связки и поддержании ее целостности является существование внешнего врага, который поддерживает ее внутреннюю сплоченность. Если для связки не существует никакой реальной внешней опасности, то она должна быть придумана. Охрана и защита группы от угрожающей опасности, по Лэйнгу, опирается на два предварительных условия: 1) сфантазированная характеристика внешнего мира как необыкновенно опасного, 2) генерирование тер-

¹ Laing R.D. Series and Nexus in the Family. P. 9.

² Ibid. P. 11. См. также: Лэйнг Р.Д.

рора с целью защиты от этой опасности. «“Работа” связки – генерация подобного террора. Эту работу я называю насилием»¹, – пишет он.

Лэйнг переносит эту типологию социальных групп в пространство семейного функционирования. Семей-серией он называет такую семью, в которой ее члены совершенно не беспокоятся друг о друге и не испытывают никакого взаимного чувства; основания существования группы при этом находятся вовне, а не во взаимных связях ее членов. Семья-связка отличается от семьи-серии тем, что скрепляется взаимным страхом, беспокойством, виной, моральным шантажом и другими разновидностями террора. Здесь взаимная забота – только внешняя сторона и прикрытие взаимного запугивания. Впоследствии, в своих книгах – и в «Здравомыслии, безумии и семье», и в «Политике переживания», Лэйнг отказывается от этой типологии и признает, что все семьи функционируют по типу связки.

В связи с представлением группы как связки возникает очень тонкий момент, прояснение которого помогает избежать той ошибки, которую допускало множество критиков Лэйнга. Дело в том, что работа «Здоровье, безумие и семья» вызвала негативную реакцию общественности. «Конечно, – писал Энтони Клэр, – его интенсивная Глазговская риторика перешла пределы дозволенного и множество родственников психически больных, пытающихся справиться с этой проблемой, все еще не могут простить ему утверждений, что они ответственны за сами предпосылки того, с чем они пытались совладать...»².

Однако исследуя семью как связку, Лэйнг – и в статье 1962 г., и в своей совместной книге с Эстерсоном – предостерегает от отождествления социальной группы и семьи с организмом. Для него подобные биологические, физиологические аналогии неуместны. Понимание семьи как организма приводит к допущению, что, как организм, семья имеет свою физиологию и патологию. И действительно, самыми частыми обвинениями, бросаемыми Лэйнгу в этот период, были обвинения в том, что он переложил ответственность за возникновение психического заболевания на семью. В рамках его собственных воззрений такая трактовка невозможна, поскольку семья не является организмом и поэтому не может заболеть. Трактовка семьи как организма предполагала бы понимание ее как закрытой целостности, как тотальности, что противоречит ее пониманию Лэйнгом (вслед за Сартром) как множественной тотализации. Лэйнг обозначает один очень важный момент: только процесс может быть патологическим, и только практика может быть понятной. И поскольку в своих исследованиях он пытается пройти от процесса к практикам, о патологии речи быть не может.

Лэйнг продолжает эти идеи в своей книге 1964 г. «Здоровье, безумие и семья», написанной совместно с Аароном Эстерсоном. Реализуя целостный подход, они рассматривают группу как целостность, конституируемую практикой каждого из своих членов, поскольку семья и человек не могут существовать независимо друг от друга и которые всегда друг на друга влияют. «Не человек, а семья – единица болезни, и не человек, а семья поэтому нуждается в “лечении”...»³, – подчеркивают они.

Однако человек и семья, по мнению Лэйнга и Эстерсона, не взаимодействуют друг с другом четко, закономерно и однонаправленно. Это пространство взаимодей-

¹ Laing R.D. *Series and Nexus in the Family*. P. 12.

² Clare A. In *the Psychiatrist's Chair*. London: Heinemann, 1992. P. 204-205.

³ Laing R.D., Esterson A. *Sanity, Madness and Family*. P. 9.

ствия включает множественные связи, которые постоянно дополняются новыми и которые невозможно представить линейно. Человек не является лишь объектом в мире других, он не занимает определенное место в пространстве и времени семейного взаимодействия, он погружен с другими в общую семейную ситуацию и разделяет общий и одновременно специфический опыт. По этим причинам Лэйнг и Эстерсон выстраивают целостную перспективу многозвучия семейных отношений, обращая внимание на каждого члена семьи, на семью как целостную систему и на отношения между членами семьи. Этот метод исследования они называют социальной феноменологией.

Такой ракурс исследования авторы сравнивают с просмотром футбольного матча. Для того чтобы понять, как играет футбольная команда, нужно смотреть не только и не столько на игру каждого из футболистов, нужно сосредоточиваться на их слаженном или неудавшемся взаимодействии во время матча. Исследования же семьи часто грешат индивидуальным подходом, семья при этом неизменно предстает лишь как сумма ее членов. Лэйнг и Эстерсон настаивают на рассмотрении семьи как связи, узла. Семья – это система, свойства которой не обязательно задаются характеристиками, опытом и поведением отдельных ее членов. Более того, к этой совокупности и нелинейности, непредсказуемости отношений отдельных членов прибавляется специфика семейной ситуации.

В работе, разумеется, по инициативе Лэйнга и под влиянием идей Ж.-П. Сартра, предлагается использовать понятия практики, процесса и интеллигибельности, серии и связи. По мысли Лэйнга, психическое заболевание определяется в момент включения человека с его совершенно индивидуальной практикой в социальный процесс. Именно в этом двойственном характере человеческого бытия как практики и процесса, в точке их взаимоперехода и может быть определено это событие как социальный факт. В конце своего исследования Лэйнг и Эстерсон, в частности, пишут: «...Мы задавались *определенной целью* и, по нашему мнению, сейчас мы достигли ее. Мы могли бы, возможно, представить больше доказательств, обсудить еще множество аспектов функционирования этой семьи, но мы убеждены, что представили достаточное количество фактов в доказательство того, что два специфических симптома, обычно рассматриваемые как важнейшие симптомы органического шизофренического *процесса*..., могут быть поняты как социальная *практика*»¹.

Сартрианские штудии семьи Лэйнг продолжает в своих более поздних статьях и докладах, впоследствии объединенных в сборник «Политика семьи». Здесь Лэйнг характеризует семью как «сеть людей, проживающих вместе большую часть времени и состоящих друг с другом в кровном или официальном родстве»². Семья воспринимается как система, включающая в себя постоянные и переменные элементы (членов семьи, вещи и объекты), а также операций и отношений между ними. Эта система имеет пространственно-временную определенность. Так, члены семьи воспринимаются как близкие или далекие родственники, различные семейные ветви могут восприниматься как относительно обособленные или включенные в семейную систему. Со временем семейные связи трансформируются: одни ослабляются, но закрепляются или устанавливаются другие, в рамках семьи постоянно образуются, разрушаются и

¹ Ibid. P. 106.

² Laing R.D. The Politics of the Family and Other Essays. London; New York: Routledge, 1999. P. 3.

функционируют подгруппы. Постоянным остается лишь одно – родительская матрица как ядро семейной системы.

«Семья, – отмечает Лэйнг, – это общее *мы* в противоположность находящимся за ее пределами *им*»¹. Как и любая социальная группа, семья образуется путем тотализации и интернализации (в книге Лэйнг уже в который раз в своем творчестве описывает этот механизм) и не может существовать вне ее членов. Но она не просто объект интеракций, а совокупность интроецированных отношений. Поэтому по способу утверждения реальности она является фантазийной системой, являющейся функцией отношений между ее членами. Эта фантазийность, а также семейные пространство и время, по убеждению Лэйнга, сродни мифологическим.

Такая трактовка семьи возможна лишь в рамках того исследования, которое Лэйнг называет картографией. При этом он заимствует различные понятия из математики, в частности из теории множеств. Теперь он применяет их к психосоциологическому интерьеру семей в современном обществе². Картография опирается не на отдельные объекты, а на целостную картину, на построение карты, которая, как и любая карта, состоит не только и не столько из набора разнопорядковых элементов, а из схем их отношений друг с другом. Совокупность этих отношений задает структуру семейной группы, которая и представляет собой карту семьи.

«Продолжить»: шизофреник в сети тотализаций

Лэйнг не просто анализирует и конкретизирует идеи Сартра, он продолжает их, стремясь осмыслить социальный статус безумия. В разгадке особого положения безумца ключевым понятием как раз и становится для Лэйнга тотализация. В его коммуникативной теории, в его теории социальных групп такой болезни, как шизофрения, не существует. Для него теперь шизофрения – это не патология поведения, не изменение личности, но патология коммуникации. ««Шизофрения», – говорит он, – это диагноз, ярлык, приклеенный одними людьми другим. Но приклеенный кому-то ярлык вовсе не доказывает, что этот человек подвержен патологическому процессу неизвестной природы и происхождения, протекающему в его организме. <...> Нет такого “состояния” как “шизофрения”, но ярлык является социальным фактом, а социальный факт – фактом *стратегическим*»³. Шизофрения – это обозначение трудности коммуникации, невозможности установления прочных коммуникативных связей и трудности вхождения в систему социальной фантазии.

Как мы отметили, по Лэйнгу, целостность семейной системы поддерживается множественными актами тотализации ее членов. Точно так же поддерживается и целостность общества в целом. Социальная группа и общество в целом возникают путем того, что Лэйнг называет элементарным синтезированием группы, – несколько личностей начинают воспринимать друг друга как единое целое, и себя – как одного из этой социальной общности. Группа при этом не является чем-то внешним по отношению к входящим в нее индивидам, она составлена ими, более того, группа возникает на основании переживания индивидов, на основании взаимопереживания, т.е. переживания множества как единства.

¹ Ibid. P. 4.

² Ibid. P. 66.

³ Лэйнг Р.Д. Феноменология переживания. С. 117, 118.

Здесь существует не просто одно-единственное разделение переживания – я переживаю себя как себя, как отдельную личность и одновременно осознаю себя членом группы. Здесь все несколько сложнее. В процесс образования и функционирования группы вовлекается опыт всех ее членов, образуется своеобразное единое пространство опыта/переживания, множеством видимых и невидимых нитей соединяющее переживания отдельных людей. Одним словом, группа формируется благодаря синтезу каждой личностью всех остальных личностей в единое Мы, а также благодаря синтезированию всех их синтезов.

В итоге, и это подчеркивает Лэйнг, образуется весьма любопытная структура – социальный организм, изначально не имеющий ни общего объекта, ни организационной структуры, но чрезвычайно крепко сцепленный изнутри: каждый связан с другим каждым. Такая группа существует лишь постольку, поскольку образована отдельными личностями и полностью зависит от них, она существует одновременно везде (в каждой без исключения личности) и нигде (поскольку указать на место ее фиксации за пределами конкретных людей невозможно). В такой группе благополучие какого-либо из ее членов гарантируется всеми остальными его собратьями.

В силу особенностей поддержания социальной реальности общества чрезвычайно сильным в нем является этический компонент, вторичный и выполняющий своеобразную компенсаторную функцию. «В такой группе, основанной на взаимной преданности и нерушимом братстве, свобода каждой личности гарантируется другими членами группы»¹, – подчеркивает Лэйнг. Для поддержания прочности связей необходимыми становятся любовь и опека, забота и терпимость – именно эти ценности и чувства культивируются в связке. Каждый должен быть связан с другим каждым, – чувство любви и его террор в такой группе чрезвычайно сильны.

Есть и еще один момент. Объединение с другими и необходимость поддержания постоянных и нерушимых связей требует унификации, в данном случае – унификации переживания/опыта, усреднения. Все должны быть похожи на всех, все должны разделять одни и те же принципы, испытывать одни и те же чувства, поскольку все они стоят на службе у одной социальной реальности. Вновь входящий в группу индивид должен «влиться в коллектив», приспособиться к бытующим в нем правилам.

Один из основных принципов связки – унификация. Автономный и непохожий на других индивид попросту не сможет установить множественные связи, он просто не сможет интериоризировать других, а они не смогут вобрать его в себя. Чем больше связей необходимо выстроить между индивидами, тем более унифицированный и усредненный опыт они должны испытывать – именно на этом положении настаивает Лэйнг. Отличие – основная угроза связке. И вот здесь Лэйнг переходит в своей работе к самому интересному. Если до этого он просто верным курсом продолжал идеи Сартра, то теперь он будет дополнять и расширять их уже собственными наработками.

Эта связь сложна, и поэтому разорвать ее крайне проблематично. Условно говоря, потянув за одну ниточку и пожелав перерезать ее, человек отрезает от социальной реальности не только себя самого, но и обрывает связующие нити между другими членами общества, ведь каждый здесь связан с другим каждым. Дело в том, что тотальность и данность семейной системы обеспечивается тем, что каждый человек погружается в нее как уже готовую при рождении. Новорожденный ребенок словно за-

¹ Там же. С. 88.

брасывается в семью. Однако каждый ее член воплощает всю семейную структуру, и без совершаемой этим ребенком тотализации и интернализации семья как социальная группа существовать не может. Но и идентичность человека тесным образом связана с семейной реальностью. Обрести другую идентичность можно лишь разрушив семью – и внутри себя, и вовне, т.е. внутри других членов семьи.

Как и в своей теории общества и социальной группы, Лэйнг говорит о разрушении «я» как о доминирующей функции семьи. Семейный сон, в который погружены все члены семьи, начинается от рождения и продолжается до смерти. Вопреки распространенному мнению, Лэйнг, фактически, говорит о том, мы не рождаемся в мир, мы засыпаем пожизненно. В семье имеет место тотальный гипноз, который отличается от обычного гипноза двумя чертами. Во-первых, гипнотизеры в процессе семейного гипноза сами являются загипнотизированными, а во-вторых, каждый может гипнотизировать каждого. Это такой своеобразный кольцевой гипноз¹.

Результатом тотального семейного гипноза является стандартизированный опыт, распределенный по правилам и нормам. Он функционирует в пространстве внутри и снаружи, удовольствия и боли, приятного и неприятного, хорошего и плохого, «я» и не-«я», здесь и там, тогда и теперь. Он подчинен четкой разметке. «Наш опыт, – говорит Лэйнг, – это продукт, приготовленный по определенному рецепту...»². Рецепт опыта определяется набором правил, которые задают возможные различия, задающие структуру опыта и проявляющиеся в поведении.

В 1965 г. у Лэйнга выходит статья «Мистификация, запутывание и конфликт», которая содержит исследование частных аспектов семейного функционирования. В ней он продолжает вводить и адаптировать марксистские понятия в теорию и практику психиатрии, только на сей раз заимствует их не от Сартра, а прямо от отца-основателя марксизма.

Центральное понятие статьи – мистификация. «Маркс, – пишет Лэйнг, – употреблял понятие мистификации, обозначая им правдоподобное искажение того, что происходит (процесс), или того, что делается (практика), в преследовании интересов одного социально-экономического класса (эксплуататоров) вне или против другого класса (эксплуатируемых)...»³. Это Марксово понятие Лэйнг переносит из области социально-экономической теории в пространство теории коммуникации и стремится описать с помощью него непосредственное взаимодействие людей друг с другом.

Так же как и у Маркса, мистификация у Лэйнга – это правдоподобное искажение, только искажение опыта. Он употребляет этот термин в активном и пассивном смысле, обозначая им как действие, так и состояния. Осуществляется мистификация с целью маскировки происходящего, для того чтобы запутать и как бы сбить с толку одного из участников коммуникации и заставить его отказаться от испытываемого опыта. Мистификация связана с конфликтом: она может маскировать реальный конфликт и запускать конфликт несуществующий, отягощая этим существующие реальные проблемы.

Социальная функция мистификации – поддержание стабильности и целостности семьи. Она является одной из форм господствующего в семье насилия и маскиру-

¹ Laing R.D. The Politics of the Family and Other Essays. P. 79.

² Ibid. P. 91.

³ Laing R.D. Mistification, Confusion and Conflict / Intensive Family Therapy. Ed. J.Boszormeny-Nagy, J.L. Framo. N.Y., 196. P. 343.

ет конфликты, угрожающие семье как связке. Кроме того, мистификация может обеспечивать поддержание устойчивых стереотипных социальных ролей и заменяет подлинные отношения на псевдозависимость.

В качестве простого примера мистификации (а надо заметить, что большинство примеров взяты им из семей, исследованных при подготовке книги «Здравомыслие, безумие и семья») Лэйнг приводит следующую ситуацию. В доме находятся мать и ребенок. Ребенок очень шумит и этим действует на нервы своей матери, поэтому ей хочется, чтобы он утихомирился и отправился спать. В этой ситуации она может сказать ребенку разное. Она может сказать «Я устала, ложись спать» или «Ложись спать, я так хочу». Это было бы прямым запретом, которому ребенок может повиноваться или не повиноваться. Но она может использовать мистификацию и сказать «дорогой, кажется, ты устал и хочешь спать». Здесь мистификация реализуется в нескольких аспектах: 1) то, что выдается за описание состояния ребенка, на самом деле представляет собой приказ, 2) чувства ребенка определяются независимо от того, что он переживает на самом деле, 3) его чувства подменяются чувствами матери.

Мистификацией, по убеждению Лэйнга, является и превращение практики в процесс. Причем, на его взгляд, такая мистификация может иметь место не только в рамках семьи, но и встречается часто в социальных или других теориях. В этом случае человек рассматривается как вещь, ему отказывают в автономии и активности, опускается личностный момент, а вместо этого на сцену выводится безличный процесс. К примеру, человек реагирует на определенную ситуацию, выдавая личностно окрашенную и индивидуальную реакцию, но при этом рассматривается исследователями или медиками как больной организм, а реакция представляется следствием патологического процесса.

Весь смысл социального исследования психического заболевания можно обозначить словами, которые Лэйнг приводит в заключении к первой части «Политики семьи»:

«Понятие шизофрении – это оковы, сковывающие пациентов и психиатров. <...> Для того чтобы сидеть в клетке, не всегда нужны прутья. Определенного рода идеи также могут стать клеткой. Двери психиатрических больниц открываются потому, что химическое сдерживание более эффективно. Двери наших умов открыть гораздо сложнее.

Маркс говорил: при всех обстоятельствах у негра черная кожа. Но только при определенных социально-экономических условиях он может стать рабом. При всех обстоятельствах человек может попасть в ловушку и потерять себя. Но он может повернуть назад и, пройдя долгий путь, вновь возвратиться к самому себе. Только при определенных социально-экономических условиях он будет страдать от шизофрении»¹.

Что же Лэйнг получил благодаря «Критике диалектического разума» Сартра? Надо признать, что именно благодаря перенесению идей философа-экзистенциалиста в пространство психиатрии стала возможна выработка специфической социальной теории. По сути, то, о чем нам говорит Лэйнг, – это не просто теория психического заболевания, это социальная теория общества и его маргинальных элементов. На примере психического заболевания и отталкиваясь от его социального статуса, он

¹ Laing R.D. The Politics of the Family and Other Essays. P. 58.

говорит об основаниях образования группы, о механизмах функционирования общества и, что самое важное, об особенностях восприятия маргинальности. В эпоху бунтующих шестидесятых, это оказалось как никогда значимо. Поэтому слова Збигнева Котовича более чем справедливы: «Лэйнг задел оголенный нерв. Он попытался политизировать и мистифицировать, если можно так сказать, дискурс безумия... <...> Лэйнг был знаменитым психиатром, провидцем, ярким бунтарем, поставившим под сомнение как ценности развивающегося капиталистического общества, так и функции психиатрии. Он попытался вернуть безумие в то общественное пространство, в котором оно и было, прежде чем его изолировали, заточили в тюрьму, заперли в сумасшедшие дома и подальше от тех мест, где нормальные граждане живут своей повседневной жизнью»¹. Возможно, именно в силу этой ситуации антипсихиатрия стала так популярна и за пределами психиатрии.

¹ Kotowicz Z. R.D. Laing and the Paths of Anti-Psychiatry. London; New York: Routledge, 1997. P. 1.